

писание СИБИРСКИХ НАРОДОВ

Герарда Фридриха Миллера

Выдающийся исследователь Сибири академик Г. Ф. Миллер во время своих десятилетних странствий в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) первым среди отечественных ученых предпринял попытку комплексного сравнительного изучения этнической истории, языков, общественных отношений, материальной и духовной культуры всех сибирских народов. В общей сложности экспедиционные рукописи ученого, посвященные этим вопросам, насчитывают около трех тысяч страниц рукописного текста. Для современных исследователей особый интерес представляют данные, полученные Миллером «из первых рук» — от самих коренных жителей Сибири. «Ласковым обхождением», подарками, демонстрацией уважения к обычаям и религии своих собеседников путешественник добивался

расположения и откровенности самых разных людей — от «улусных мужиков» до представителей знатнейших аборигенных кланов, от простых шаманов до ученых мусульманских и буддийских священников.

Пожалуй, ни одна из проблем, относящихся к сфере общественных отношений аборигенного населения Сибири, так не интересовала Миллера и не была им столь детально изучена, как проблема брака и семьи. Ученого интересовало все, связанное с браком, в том числе и те его обстоятельства, о которых этнографы последующих столетий обычно умалчивали. Так, для Миллера при сравнительном анализе брачных обычаев было важно знать и об антропологических особенностях мужчин и женщин у разных народов, и «о той позитуре, как муж с женою спит» (фраза из этнографической программы ученого), и т. п.

А. Х. ЭЛЕРТ

Ниже мы публикуем фрагменты главы «О браке» из фундаментального рукописного двухтомного труда Миллера «Описание сибирских народов», который до сих пор не переводился на русский язык, не издавался и до недавнего времени не был известен даже специалистам. Конечно, эти фрагменты не дают полного представления о взглядах Миллера на проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири, однако они все же свидетельствуют о целом ряде важнейших открытий, сделанных ученым в данной области. Так, одним из достижений Миллера в области этнографии

По мнению некоторых исследователей на рисунке изображен Герард Фридрих Миллер

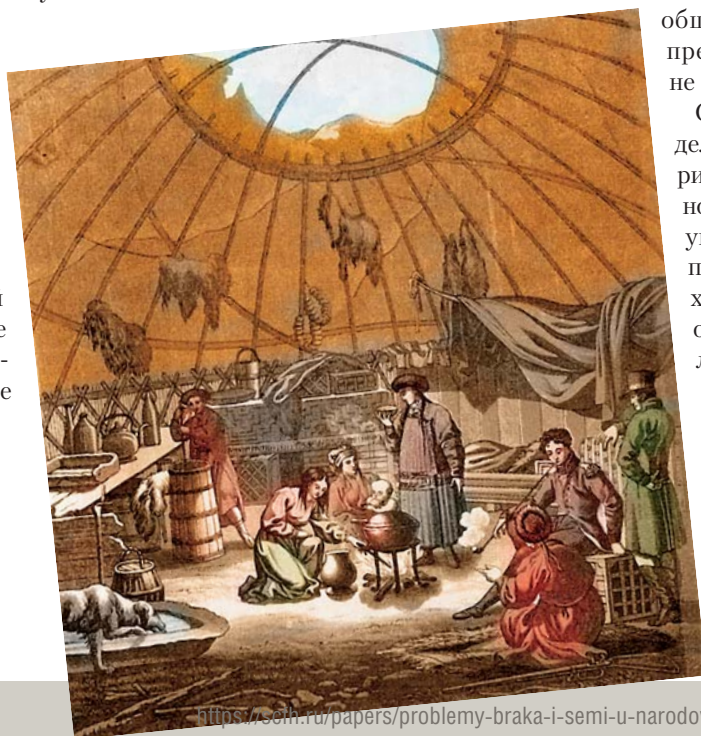

явилась открытая им родовая экзогамия у языческих народов Сибири, имевшая, по его наблюдениям, всеобъемлющий и универсальный характер. Рассматривая вопрос о степенях родства, допустимых при заключении брака, он обнаружил кардинальное различие во взглядах на этот вопрос у аборигенов Сибири и европейцев. С родовой экзогамией Миллер связывает и обычай сорората, распространенный, по его наблюдениям, у большинства сибирских народов. Детально характеризует Миллер и «столь удивительный для нас» обычай левирата (по его терминологии — «закон Левитов»). По мнению Миллера, истоки обычая, согласно которому у сибирских народов вдова во втором браке обычно становилась женой своего ближайшего родственника, а также библейского «закона Левитова» и мусульманского правила, согласно которым младший брат должен был жениться на не имеющей наследства вдове своего старшего брата, следует искать в обычаях, общем для Древнего Востока, который обладал определенным единством уже в библейские времена.

Качинская татарская женщина. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799

У разных сибирских народов Миллер отмечает все же некоторые ограничения на этот счет. Вариантов таких ограничений он приводит очень много. Большинство подобных ограничений носило рекомендательный характер, а их нарушение влекло за собой лишь общественное осуждение

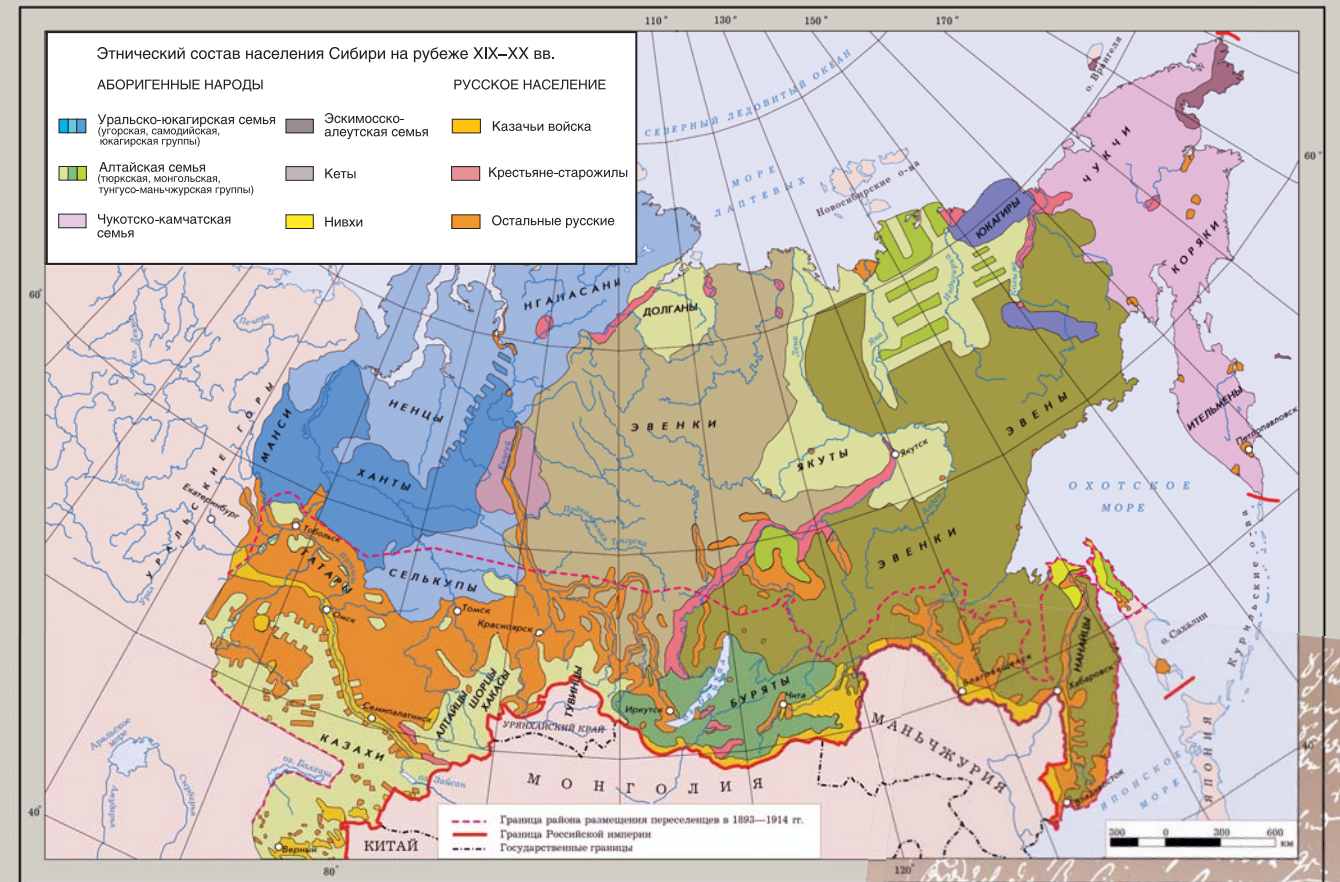

Качинские татары. 1812 год. Художник Е. М. Корнеев

и веру в неизбежность наказания со стороны потусторонних сил. Среди якутов, в частности, ходили рассказы о горбых и страдавших иными уродствами, что связывалось с греховной женитьбой.

Как и в ряде других работ, Миллер в «Описании сибирских народов» много места отводит полемике с европейскими «писателями», которые предвзято, по мнению ученого, оценивали сибирские народы и распространяли разного рода небылицы. В европейской литературе к тому времени существовала давняя и стойкая традиция резко отрицательного отношения к полигамии, что являлось существенным элементом противопоставления христианских ценностей мусульманской культуре и морали. Миллер решительно выступает против этого. В публикуемых высказываниях по данному поводу можно усмотреть, и не без оснований, как чисто мужской, односторонний подход к проблеме брака, так и идеализацию многоженства. Однако когда Миллер рассматривает вопрос о положении женщины в аборигенном обществе в целом, картина представляется ему далеко не идиллической.

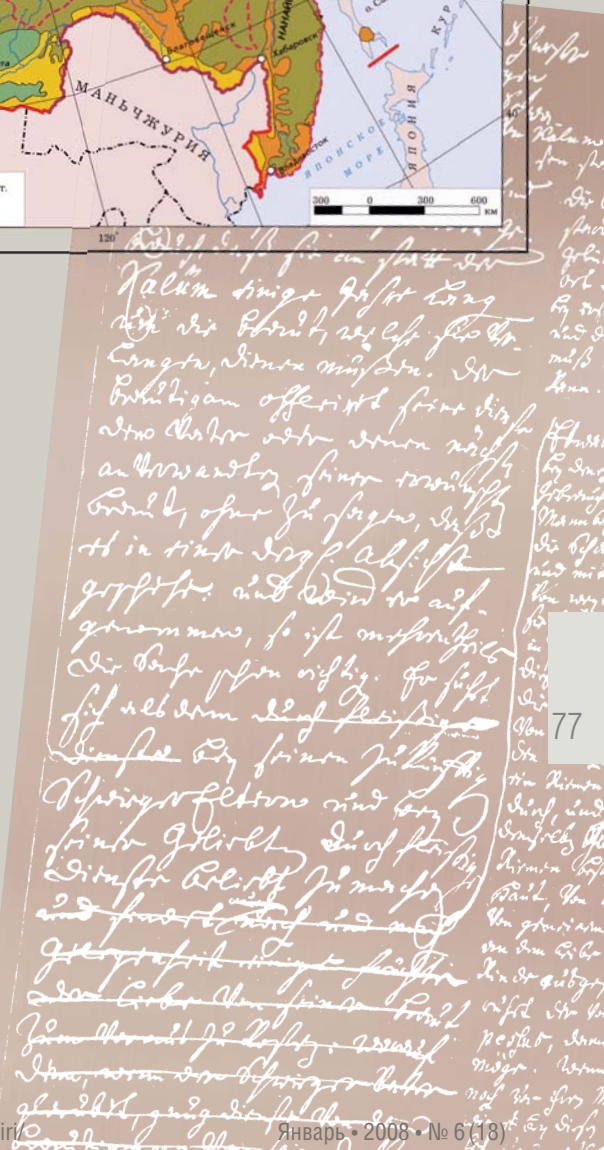
Основной вывод, который делает Миллер при характеристике внутрисемейных отношений, — это повсеместно униженное и даже рабское положение женщины. Так, характеризуя семейные отношения у бурят, Миллер пишет, что муж может в любое время оставить жену, она его — никогда, как бы дурно с ней ни обходились. С женой, как и с любой другой собственностью, можно было обращаться, как за благорассудится: «Мужу дозволено переломать

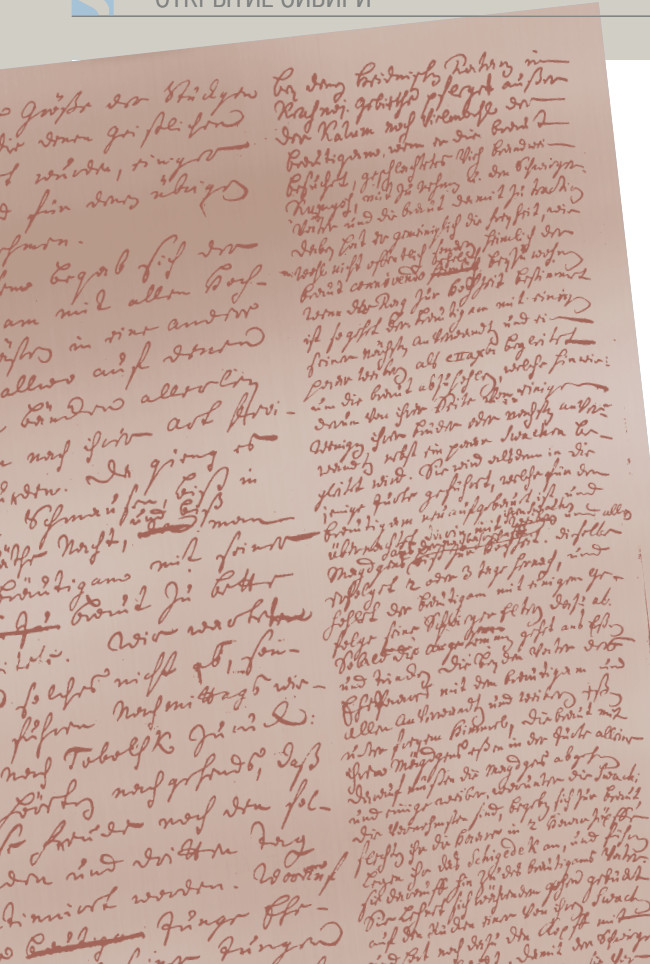

Автограф Г. Ф. Миллера. РГАДА, ф. 181, д. 1386, ч. II, л. 40 об.

ей руки и ноги без того, чтобы она могла защищать перед ним свои права». Но у бурят женщина получала определенные права хотя бы после смерти мужа, именно она считалась наследницей его состояния. У большинства же других народов вдова оставалась в полной собственности у ближайших родственников мужа.

Отношение к женщине как товару имело следствием то, что муж, недовольный женой как хозяйкой, уличивший (или заподозривший) ее в неверности, мог расторгнуть сделку, вернуть ее родителям и возратить калым. В этом случае у женщины еще оставался шанс устроить свою судьбу, однако наказание могло быть и более суровым, особенно если речь шла о нарушении супружеской верности с посторонним мужчиной. В этом случае муж нередко переводил жену в разряд рабынь и отдавал ее в услужение другой жене. Собственно настоящей изменой, согласно Миллеру, почти

Автограф
Г. Ф. Миллера.
РГАДА, ф. 181,
д. 1386, ч. II,
л. 51 об.

Внутренний
вид жилища
камчадалов.
Рисунок XVIII века.
Kracheninnikow S.
Voyage en Siberia:
La description
du Kamtchatka.
T. II. Paris, 1768

у всех сибирских народов считалась связь жены с посторонним мужчиной. Недозволенная связь с братьями мужа и другими ближайшими родственниками рассматривалась скорее как шалость, заслуживающая наказания, но не очень строгого. У якутов совершенно непристойным грехом женщины считалась связь с русским, что ученый признает нехарактерным для сибирских народов в целом. Миллер пишет, что в этом случае предусматривались лишь два варианта наказания для женщины — либо ее переводили в разряд рабынь, либо вовсе прогоняли без всяких средств существования.

При выборе невесты основное внимание обращалось на ее качества хозяйки, работницы. Все другое, в том числе и красота, имело второстепенное значение, хотя и учитывалось. К сожалению, Миллер почти ничего не говорит о критериях, по которым оценивалась красота женщин у разных народов. Одним из немногих исключений являются его пояснения к эпитетам, которыми якуты награждали одну из богинь высшего ранга, обладавшую, согласно миллеровскому переводу с якутского языка на немецкий, большой грудью и толстыми бедрами: «Вышеуказанные два качества являются в глазах якутов наиболее важными показателями красоты». Браки по любви хотя и имели место у сибирских народов, были все же достаточно редким явлением.

Публикуемые тексты заканчиваются примечательной фразой: «Если бы я не опасался погрешить против приличия, то мог бы затронуть еще и некоторые потаенные обстоятельства брака». Это фраза из работы, которую Миллер предполагал опубликовать. В дневниковых же записях и черновиках можно обнаружить немало материалов, выходящих за рамки «приличий» того времени. Рассказывая об интимных отношениях у различных народов, о первой брачной ночи, поясах «стыдливости» и т.п., он нередко сопровождает подобные данные признанием, что приводить эти сведения, конечно, довольно стыдно, но что поделаешь, если того требует наука, для которой слова «стыдно» не должно существовать.

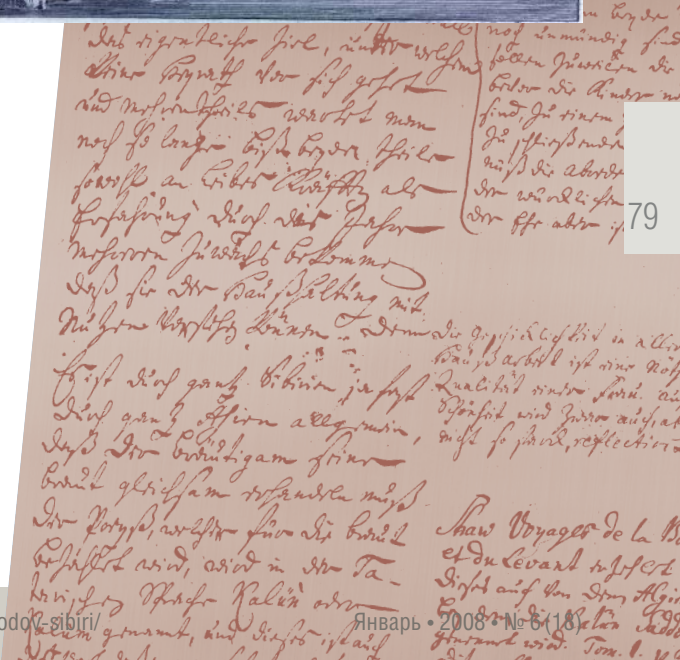
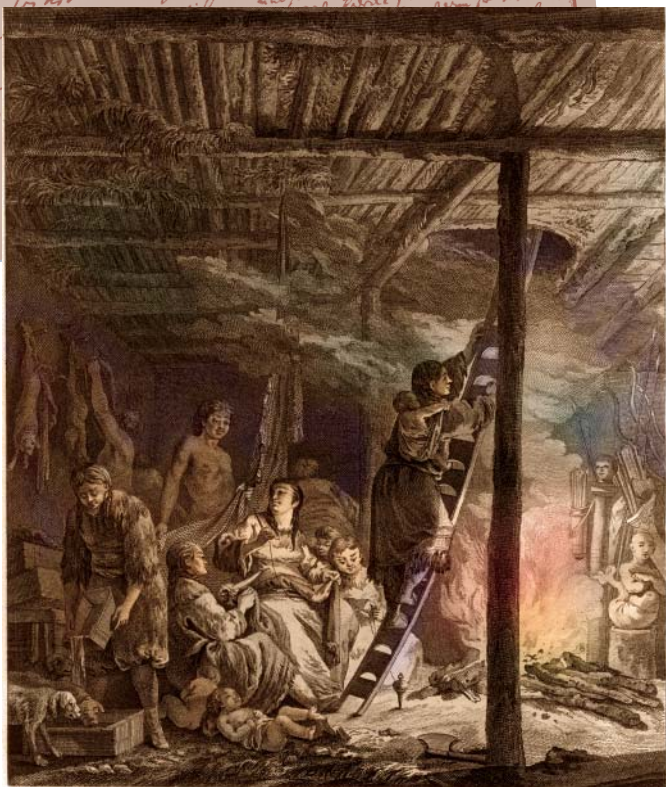
Нормы морали, связанные с сексуальными отношениями и понятиями о стыде, у сибирских народов, согласно Миллеру, сильно различались и находились в прямой зависимости от степени цивилизованности того или иного народа. В отношении чукчей они стали для ученого даже определяющими, когда он доказывает их дикость. К числу неоспоримых свидетельств дикости чукчей он относит отсутствие всякого стыда у мужчин и женщин, которые могли находиться в своих жилищах обнаженными в присутствии посторонних. Еще более диким показался ученому обычай приглашать гостей и даже русских пленных к плотской связи с женой или дочерьми хозяина, отказ от которой рассматривался чукчами как оскорбление и показатель недобрых намерений.

Что касается других сибирских народов, то их представления о стыде и нормах в сексуальных отношениях имели, по оценке Миллера, довольно много общего с европейскими нормами (особенно у татар-мусульман), а в некоторых случаях они обнаруживали даже большую щепетильность. На основе скрупулезно собранной информации ученый приходит к выводу, что хотя некоторые половые извращения, известные европейцам, наблюдались и у сибирских народов, однако они чрезвычайно редки и считаются большим грехом. В связи с этим Миллер рассказывает об одном случае, когда якуты обнаружили связь польского пленного, служившего казаком в Якутске, с мальчиками. Весть об этом, как о чем-то в высшей степени постыдном и отвратительном, молниеносно распространилась не только среди якутов, но и среди соседних народов, нанеся немалый ущерб престижу русских, которым была приписана склонность к этому пороку. Отсутствием причин, ведущих к пресыщению и разврату, объясняет Миллер меньшее, нежели у европейцев, распространение супружеских измен у сибирских народов.

Камчадалы. *Kracheninnikow S. Voyage en Siberie: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768*

Автограф
Г. Ф. Миллера.
РГАДА, ф. 181,
д. 1386, ч. II, л. 38

Проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири

Г. Ф. МИЛЛЕР

Гольды (нанайцы).
Литография XIX века

Браки почти у всех народов Сибири заключаются при посредстве родителей или, если их нет, ближайших родственников, заменяющих родителей. Так, отец выбирает невесту своему сыну, старший брат младшему, дядя племяннику, и они должны быть довольны этим выбором.

Прежде всего, есть основополагающий принцип, что не только у народов, исповедующих магометанскую религию, но и у тех, кто исповедуют религию тангутскую, а также у всех язычников разрешается одновременно иметь в браке более одной жены. Но все же с той разницей, что в соответствии с магометанской религией число жен не может превышать четырех, и за этот предел по закону переходить не полагается, а у других народов это число остается неопределенным.

Тем не менее ни у одного народа число жен обычно не доходит до четырех. Ибо иметь две или три жены — это уже является признаком очень богатого человека. Согласно магометанскому закону, если муж хочет взять вторую или третью жену, то он может сделать это только с согласия первой жены, однако этот закон соблюдается не всегда. У камашинцев, тайгинцев и некоторых других народов теперь, вследствие их бедности, не бывает более одной жены. Раньше жен у них было больше.

Если я ранее сказал, что брак заключают родители или ближайшие родственники, то при этом имеется в виду лишь первый брак. Как только сын женился, он уже не во власти отца, и при последующих браках он может поступать по своему усмотрению.

У якутов бывает иногда, что родители, в особенности старые люди, женят своих детей, даже когда те еще совсем маленькие. Они в этом случае держат детей до возмужалого возраста у себя в жилище, чтобы было от молодой пары развлечение и утешение в старости. Однако больше ни у одного народа я об этом не слышал. Хотя помолвка, когда и жених, и невеста еще совсем юны, иногда совершается и у других народов. А иногда, говорят, бывает даже и так, что родители договариваются о женитьбе в будущем еще не родившихся детей. Однако повсюду лишь половая зрелость является условием действительного брака, который без этого не может состояться, и по большей части принято ждать, пока дети с обеих сторон с годами не окрепнут достаточно телом и не приобретут опыт, который позволит им с пользой вести хозяйство. Ибо сноровка во всяческой домашней работе является необходимым качеством жены. Хотя на красоту они также обращают внимание, но не в такой степени.

У инбачских остяков на Енисее часто бывает так, что девочки от 5–7 до 10 лет выдаются замуж за мальчиков такого же возраста или старше. Я видел, например, мальчика 16 лет с женой 7 лет, который уже несколько раз спал с нею. Иногда же маленькому мальчику дают жену 15–20 лет.

В Сибири, да почти и во всей Азии общепринято, чтобы жених как бы покупал свою невесту. Цена, которая уплачивается за невесту, на татарском языке называется *Kalim* или *Kalim*, и этим же словом пользуются для ее обозначения и в русском языке.

У магометанских татар в Тобольском, Тюменском и Томском уездах стоимость калыма обуславливается в деньгах, но выплачивается другими вещами согласно договору. Так же и у остяков, но у них из-за их бедности калым редко превышает 5–10 рублей, тогда как у указанных татар за красивую и богатую невесту из знатного рода платят по 30–50 рублей. Остяки на Енисее после крещения уплачивают лишь незначительный калым одеждой из китайки или ситцем на рубашки, который они подносят родителям невесты. Лесные тунгусы платят калым оленями — от 10 до 20 оленей за невесту. Самоеды, юкагиры, коряки и чукчи также платят калым оленями, и чем богаче народ оленями, тем выше у него и стоимость калыма.

Татары женятся и выдают своих дочерей и с калымом, и без калыма (*Chaling*)*. В последнем случае, если муж недоволен своей женой, он не может ее продать, а должен отпустить со всем ее приданым, и она возвращается к своим родным, но детей он оставляет у себя. Наибольший калым состоит из 30 голов скота, половину лошадей, половину рогатым скотом. Приданое невесты (*Entschi*) иногда составляет половину калыма, иногда меньше, иногда больше, смотря по тому, насколько человек богат, сколько имеет детей и насколько сильно любит дочь.

Если отец уплачивает калым за своего сына, то это является обзаведением сына, и сын больше ничего не получает в придачу. Все, что относится к домашнему хозяйству, должна принести с собой невеста, если ее родители в состоянии сделать это и за нее заплатили большой калым. Невесте дается также различный скот или олени, в зависимости от богатства и обстоятельств каждого народа.

Обычно приданое невесты составляет около половины калыма; но иногда, если отец очень любит свою дочь или у него нет сыновей, о которых ему надо заботиться,

*Курсивом выделены слова из языков народов Сибири, написанные Г. Ф. Миллером латинскими буквами

Чукотские женщины. Kracheninnikow S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtchatka T. II. Paris, 1768

и вообще он может сам всем распорядиться, он дает ей в приданое по стоимости столько, что это полностью покрывает калым или даже его превышает. Крайне редко бывает, чтобы невеста пришла к жениху без соответствующего приданого. Если же так случается, то это является признаком или крайней бедности, или исключительной скупости.

Согласно повсеместно распространенному обычаю, отец невесты не обязан давать ей какое-либо определенное приданое. Каждый имеет право дать дочери столько, сколько хочет, не считаясь с размерами калыма, будь он даже очень высок по цене. Ибо на выданье невесты смотрят действительно как на торговую сделку, и поэтому полагают, что жених в лице своей невесты получает достаточное возмещение за калым. А потому

бедные люди считают себя более счастливыми, когда у них много дочерей, чем если бы у них было много сыновей, поскольку в первом случае они могут что-то получить от продажи дочерей, во втором же сыновья, когда родители захотят их женить, еще и сами введут их в расходы.

Однако не всегда калым за невесту уплачивается натурой. Если две семьи, которые желают вступить между собой в брачный договор, имеют и сыновей, и дочерей, то вместо калыма они договариваются, что обменивают невесту на невесту из одной семьи в другую, без уплаты какого-либо калыма. Например, отец отдает дочь за брата невесты своего сына; или брат выдает сестру и получает за это в жены сестру своего нового зятя. Этот вид калыма особенно в ходу у тунгусов.

У камчадалов и курилов имеется особый обычай, заключающийся в том, что они вместо калыма должны отслужить несколько лет за невесту, которую желают. Жених предлагает свои услуги отцу или ближайшим родственникам своей желанной девушки, не говоря, с каким намерением это делается; и если его принимают, то по большей части дело уже решено. Тогда он старается усердной службой заслужить любовь будущих тестя и тещи и своей возлюбленной.

Даже те народы, которые из язычников внешне превратились в христиан через крещение, все еще сохранили этот обычай, и у них невесту, как и у других народов, нужно покупать за обусловленную цену. К примеру, это все остяцкие народы по Иртышу, Оби, Кети и Енисею, вогуличи и чулымские татары. Духовенство разрешает им эти светские, вовсе не христианские обряды. И даже если бы хотело их от этого отучить, то их было бы очень трудно в этом убедить, ибо они вовсе не считают справедливым, чтобы отец, который трудами и расходами поддерживал свою дочь до возмужалого возраста, не получил какого-либо возмещения за дочь, когда она переходит из его рода в другой и он уже не может в дальнейшем ожидать от нее ни малейших услуг, ни внимания.

Когда я говорю, что невеста переходит в другой род и ее отец уже не должен ожидать от нее ни услуг, ни внимания, то это основывается на мнении всех сибирских народов, которые делятся на определенные роды, что кровное родство считается лишь по этим родам. Все они берут невест из чужих родов, и как только она входит в другой род, ее кровное родство с прежним родом прерывается. В дальнейшем ее ничто не связывает с прежними кровными родными.

В этом отношении они так щепетильны, что ни один не женится на женщине из того рода, к какому он себя причисляет, даже если этот род весьма многочислен. Если даже он насчитывает 300–400 семейств и распространен на 1000 верст и более и никто уже не может припомнить или сказать, что он хотя бы слышал, в каком именно родстве они состоят между собою — это все для них совершенно безразлично. Простое родовое имя имеет у них гораздо больше значения, чем самое близкое родство.

На этом основании покоится все их учение о запрещенных степенях родства, при которых невозможен брак. Если только невеста из другого рода, то, если даже она из-за браков, заключавшихся ранее, оказывается в самом близком свойстве или родстве со своим женихом, на это не обращается внимание. Например, не является препятствием, если невеста приходится сестрой матери жениха, если жених и невеста — дети родных сестер или братьев, если жених — брат матери невесты. Два родных брата могут жениться на двух родных сестрах, разрешено даже брать в жены двух сестер, причем не только одну за другой, но и обеих одновременно. Также отец и сын женятся на двух сестрах, или отец женится на матери, а сын на дочери.

Поскольку такой обычай, столь противоречащий нашим обычаям, кажется нам удивительным и вначале и мне казался не менее странным, то я с большим вниманием повсюду о нем осведомлялся, при этом нашел, что он носит постоянный характер. Исключение составляют только народы магометанской религии и те, кто принял христианство, поскольку они придерживаются своих учений, в каждом из которых принимаются во внимание свои установленные запрещенные степени родства при заключении браков.

Еще один обычай в отношении степеней родства, разрешенных

Камчадал. Kracheninnikow S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768

у язычников, столь же удивительный для нас, состоит в том, что вдова во втором браке обычно достается своему ближайшему родственнику. Вероятно, закон Левитов, согласно которому младший брат должен жениться на не имеющей детей вдове своего старшего брата, чтобы привить то же семя, возник из того же обычая уже тогда общего Востока.

Основным правилом у язычников является то, что вдова во всем повинуется воле ближайших родственников своего покойного мужа. Она ему не наследует, а наследуют всю собственность ближайшие родственники, причем в наследство им достается и вдова, ибо, как они говорят, из-за уплаченного калыма она стала собственностью их рода. Правда, они могут вновь выдать

ее замуж за другого, не состоящего с ними в родстве, и вновь взять с него калым, что часто и случается, и главным образом тогда, когда она по своему поведению и сноровке не пользуется доброй славой у своих ближайших родственников. Если же ее любят и она известна как хорошая хозяйка, то это случается редко, и обычно ближайший родственник является и главным наследником, и преемником на супружеском ложе.

Эти народы напрасно обвиняют в мерзости кровосмешений. Они говорят, что смерть прекращает родство и на вдове нужно смотреть так, как если бы она принадлежала опять к своему прежнему роду. Однажды уплаченный за нее калым побуждает их оставить ее себе, так же, как никто не бросит куп-

Камчадалка в нарядной одежде. Рисунок второй половины XVIII века. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб, 1799

ленную плодородную землю и не продаст ее другому, если хочет использовать ее сам. Мачеха обычно достается старшему пасынку, но если ему известно, что она до этого слишком близко сошлась с одним из младших братьев, и он не может помешать этому в будущем, то он отдает ее брату.

Я должен сделать еще одно замечание относительно калыма — за вдову он бывает меньше, чем за девушку. Отцветшее девичество, более старший возраст и предрассудок, будто бы с ней не найдешь счастья, служат тому причиной. Точно так же и отец, любящий свою дочь, неохотно отдает ее за вдовца, ибо боится, что она последует примеру первых жен и умрет. Если же он на это решается, то по крайней мере заставляет заплатить более высокий калым и, наоборот, дает дочери меньшее приданое, чтобы тем самым хотя бы

в какой-то степени компенсировать будущее несчастье. У некоторых народов, в особенности у татар, очень распространено даже такое обыкновение, что вдовец бывает вынужден красть невесту, и только когда она уже находится у него, он договаривается со своим тестем о калыме.

Невесту увозят иногда и в некоторых других случаях: если жених или его родители и ближайшие родственники недостаточно богаты, чтобы сразу внести калым, или же невеста недовольна выбором своих родителей и помимо предназначенного ей жениха имеет тайное любовное соглашение с другим, с которым и договарива-

Остяцкие типы.

Остяцкие типы. Финш О. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882

ни в какой мере не подчиняется жениху и не обязана оказывать ему какие-либо услуги. Все же у большинства народов в это время, как только началась уплата калыма, жениху не возбраняется посещать невесту не только днем, но и в ночное время и доказывать ей свою любовь фактическим сожительством. Магометанские татары для этой цели сразу после помолвки выделяют невесте особое спальное место на своих широких скамьях и окружают его занавеской; там жених и занимает ночью место около невесты после того, как отец с матерью ушли на покой, а он якобы тайно прокрался в дом. Один бурятский дарга в Удинском остроге по моей просьбе

ется, что он ее увезет. В обоих случаях возлюбленный со своими лучшими друзьями и ближайшими родными готовится к стычке и все время находится настороже на тот случай, если родственники невесты или настоящие законный жених с собранной им компанией молодых людей захотят отбить у него добычу. При этом происходят ожесточенные драки, а у тунгусов нередко случаются и убийства, так как они идут друг против друга с луком и стрелами, тогда как другие народы вооружаются только палками. Тому, кто одерживает победу в этих столкновениях, и достается невеста, но калым все равно уплачивается, даже если это происходит через несколько лет после свершившегося брака.

Во время внесения калыма и до окончательной его уплаты отец оставляет дочь у себя и пользуется ее услугами в домашнем хозяйстве. Она

Камчадалка. Рисунок XVIII века. Kracheninnikow S. Voyage en Siberia: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768

привел ко мне свою дочь, которая уже некоторое время была обручена, ибо мне хотелось выяснить разницу в одежде у замужних и незамужних женщин. И когда я заметил, что она на последних сроках беременности, то отец сказал, что у них не считается чем-то особенным иметь детей до брака, если этому предшествует настоящая помолвка.

Иногда бывает, что еще до окончательного заключения брака он расторгается, а именно в тех случаях, если жених или его родители заводят ссору с родителями невесты, или невеста оказывается неподходящей жениху, или невеста по причине недовольства женихом позволяет другому увезти себя, как об этом упомянуто выше. Эти случаи, в зависимости от наличия детей, прижитых до брака, и уже внесенного калыма, различаются между собой. Если жених или его родители не желают, чтобы брак состоялся, то весь внесенный калым пропадает, и отец невесты оставляет у себя детей, которых жених прижил с его дочерью.

Но с жениховой стороны такое заявление бывает очень редко, потому что он может добиться того же результата хитростью, причем с большей выгодой. При этом жених ведет себя так, что он будто бы желает невесту, но еще не в состоянии уплатить оставшуюся часть калыма. Тем временем он берет себе другую жену, и когда первый тесть через несколько лет видит, что из женитьбы ничего не выходит и его дочь остается без мужа, а невеста с огорчением обнаруживает, что ей предпочли другую, то недовольство в конце концов выливается в месть — если в это время другой посватается за невесту, ему ее и отдают. Поскольку первый жених только того и ждал, то он пользуется этим случаем: идет к первому тестю, предъявляет ему свои претензии, что тот нарушил договор, и требует обратно калым. В этом случае, как и тогда, когда встречаются препятствия к браку со стороны невесты или ее родителей, ему должен быть возвращен калым и отданы уже прижитые дети, если таковые имеются. Однако если, к примеру, калым (у монголов, брацких, калмыков, якутов и у лесных народов) был уплачен оленями, верблюдами, лошадьми, рогатым скотом или овцами и скот, верблюды или олени размножились, то приплод остается в собственность отцу невесты. Также с него не требуется и тот скот, который входил в калым, но за время пребывания у отца невесты пал, или был украден, или с ними случилось иное несчастье. Из-за этого часто проистекают крупные ссоры и затяжные судебные тяжбы, когда отца невесты обвиняют в том, что он ложно утверждает, будто

бы у него из калыма погибло или украдено много голов скота. Это тогда проверяется через свидетелей.

Бывают случаи, когда брак отменяется без всяких ссор и с согласия родителей с обеих сторон. Тогда калым жениху непременно возвращается, а в утешение отцу невесты оставляется лучшая лошадь, или верблюд, или лучший бык, или у лесных народов — лучший олень.

Если же дело дошло до того, что калым полностью уплачен и обе стороны настаивают на том, что брак должен быть заключен, то по общему согласию назначается день для свадьбы. При этом, согласно магометанской религии, у тобольских, тюменских, тарских и томских татар некоторые обязанности выполняет духовенство. Они состоят в том, что в присутствии духовенства жених и невеста должны еще раз добровольно выразить взаимное желание вступить в брак, и самое видное в общине духовное лицо подсказывает жениху законы, которыми он должен руководствоваться в браке, а затем произносит благословение.

А поскольку в магометанской религии существуют различные саны духовенства, то от жениха и от обстоятельств данного места зависит и то, какой священник совершает бракосочетание. Люди знатного сословия приглашают ахуна, если поблизости живет таковой, лица среднего сословия — муллу, а простые люди — даже и абыза.

Якуты

Якутская женщина. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799

Якутская баба спереди.
Une Tschakutin vorwärts.
Femme Tschakoute par devant.

Я присутствовал на одной такой свадьбе, которая праздновалась 15 марта 1734 года в ауле Сабанак — татарской деревне, расположенной на Иртыше, в 14 верстах выше Тобольска. Она потому проходила в этой деревне, что там жила невеста. Жених же был родом из Тюмени. Когда мы, как нам было указано, прибыли около девяти часов утра в деревню, то застали всех уже веселящимися.

Во дворе было два дома, в одном из которых находилась невеста со всеми бабенками, приглашенными на свадьбу, и со своими родственниками; а в другом доме был жених, также со своими родными и с гостями, которых он пригласил со своей стороны. Такое разделение имеет место лишь в том случае, когда у жениха нет в том же поселении своего собственного жилища. Если же он и его невеста живут в одном городе или в одной деревне, то он со своими гостями остается в своем собственном доме до начала брачной церемонии, как будет указано ниже.

В каждой компании, как у невесты, так и у жениха, была своя музыка — свирели (дудки) и скверные скрипки, с еще более скверным пением; кроме этого во дворе еще били в особого рода маленькие литавры, описанные в главе о музыке. Как ни плоха была музыка, она собрала много слушателей, и было довольно тесно.

На всех татарских торжествах бывают состязания в конных скачках и устанавливаются различные призы, которые достаются тем, кто первым достигнет цели. Для этого были отобраны 30–40 лошадей из лучших скакунов Тобольска, на них ехали верхом маленькие мальчики, которые должны были начать скачку все одновременно в десять часов утра от берега Иртыша в районе Татарской слободы, то есть отсюда, где сразу под горой в Иртыш впадает речка Курдюмка. Первые из них прибыли в аул Сабанак

в 11 часов. Нам и прочим гостям напомнили, что будет такое увеселение, поэтому все собрались во дворе, где были расставлены два ряда призов — одни со стороны жениха, другие со стороны невесты. Призы со стороны жениха были: кусок красной камки, лисий мех, кусок зеленой ткани *Cham*, кусок ткани *Tschaldar* и выделанная красная конская кожа. А со стороны невесты были выставлены: кусок фиолетовой камки, кусок выкрашенной красными и белыми полосами ткани *Darei*, шкура выдры, кусок красной камки и выделанная красная конская кожа. Всего было 10 призов. Они были подвешены к шестам, воткнутым вертикально в землю. Когда начали прибывать всадники, судьи, специально назначенные для этой цели, стали раздавать им призы из обоих рядов в порядке ценности вещей. Первые трое мальчиков, которые прибыли почти одновременно, получили два куска камки и кусок *Darei*. Через довольно продолжительное время прибыли еще трое, которым дали мех выдры, красную китайку и лисий мех; те, которые прибыли вслед за ними, получили зеленый *Cham*, кусок *Tschaldar* и красные конские кожи. Остальные же, приехавшие слишком поздно, не получили никаких призов. Над ними смеялись и стыдили их хлопанием в ладоши и свистом. Мальчики, или всадники, были частично из татар, частично из русских. Все они, несмотря на то что день был довольно холодный, были очень легко одеты (в широкие полотняные штаны); от скачки быстрым галопом они сильно разгорячились. При раздаче призов иногда были слышны брань и жалобы на то, что судьи действовали пристрастно. Вскоре после этого развлечения, около полудня, началась собственно свадебная церемония, и проходила она следующим образом.

Теперь жениха с его гостями полагалось отвести для бракосочетания в дом невесты. Его с этой целью сопровождали два свата, по-русски дружки, которые шли большую часть времени по обе его стороны, а иногда впереди него, и остальная толпа гостей следовала за ними. Они трижды обошли вокруг двора, недалеко от изгороди, и проходили каждый раз мимо окна той комнаты, где находилась невеста. Когда это произошло в первый раз, из окна этой комнаты в толпу, наблюдавшую за церемонией, было выброшено множество кусочков и лоскутков шелковых и бумажных материй, которые подбирались в давке.

Тем временем духовенство, состоявшее из ахуна и двух абызов, с родственниками невесты собрались в невестин дом в особой комнате. Они сидели на широких скамьях вокруг стен, при этом ахун — в самом почетном углу комнаты, два абыза — рядом с ним по сторонам, а остальные гости и присутствовавшие — в соответствии с их положением. Кому не хватило места у стен, сидели впереди первых во втором и третьем рядах.

Как только жених закончил свое шествие по двору, его повели в дом невесты. Но он не сразу прошел в свадеб-

ную комнату, а должен был ждать в сенях, пока двое его дружек не спросили ахуна и не получили от него ответ, что церемония действительно может начаться. Затем, после входа жениха, дружки еще раз публично и формально заявили о своем сватовстве. Но так как невеста еще находилась в другой, женской, комнате, то ахун послал туда, чтобы получить утвердительный ответ, который вскоре и был принесен. После этого ахун сделал краткое наставление о том, что жених должен жить со своей будущей женой в мире и любви и не вступать без ее разрешения во второй брак. Жених при этом имел весьма огорошенный или пристыженный вид. Ахун спросил жениха, обещает ли он следовать во всем этим супружеским обязанностям, но тот не произнес ни слова. Он опустил глаза в землю, а его сваты дали обещание за него. Затем ахун благословил жениха и отсутствующую невесту на брак и пожелал им счастья, но сделал при этом такую гримасу, которая не выглядела благоговейной. Он сам рассмеялся при этом, и все присутствующие вторили этому смеху.

Что в это время происходило в комнате невесты, я не знаю. Насколько я знаю, ни на одной брачной, или свадебной, церемонии у татар-магометан не присутствуют ни невеста, ни вообще какая-либо женщина. Это делается у этих татар из жеманства и подражания другим восточным народам, таким как турки и персы, с которыми они одной религии, ибо вообще-то у них

Девушка-бурятка. Художник Е. М. Корнеев

женщина в обычном домашнем обиходе не приучена к такой чувствительности, чтобы не позволять видеть себя чужим мужчинам.

Как только брачная церемония была окончена, были разбиты на куски несколько сахарных голов, вероятно, как символ приятностей супружеской жизни, и преподнесены на тарелках сначала духовенству, затем всем присутствующим гостям. Каждый взял себе кусок и стал его есть. Однако была заметна разница в величине тех кусков сахара, которые подносились духовенству, и прочих кусков.

После этого жених и все свадебные гости перешли в другую комнату, где на широких скамьях были расставлены всевозможные принятые у них кушанья. Приступили к пиру, который длился до поздней ночи, пока жениха с невестой не повели в постель. Но мы этого не дождались, а после обеда вернулись в Тобольск; однако

Красноярская шаманка. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799

Шаманка Красноярская съ талга.
Eine Kamtschatkische Schamanka rückwärts.
the Shamaness in Devening of Kamtschatka par derrière.

мы слышали потом, что это празднество продолжалось еще на следующий и на третий день. После этого молодой супруг со своей молодой женой и богатым приданым отправился обратно в Тюмень.

Распространенным у всех народов обычаем является то, что они придают значение признакам девственности при первом плотском сожителстве. При этом они не принимают доводов ни физического, ни медицинский свойства, а считают себя вправе при малейших поводах к подозрению принуждать невесту или молодую жену к признанию, кому она подарила первые радости любви. Муж затем требует с виновного удовлетворения, как говорится в главе о правосудии.

О тех народах, которые имеют рабов, обычно говорят, будто бы они имеют среди них также и рабынь в качестве наложниц, из-за чего между мужем и женой нередко возникают большие супружеские ссоры и даже драки. Другие народы, не имеющие рабов, свободны от этого обвинения. Дикие чукчи и коряки, которые постоянно ведут войны с соседями и часто захватывают рабов и рабынь, даже не делают различия между такими женщинами и женами, выкупленными законным образом. Они одинаково живут с теми и с другими и считают безразличным, приобрели они этот товар по праву войны или по праву мира.

Когда из Анадырского острога отправлялись русские отряды в походы против упомянутых диких язычников и захватывали пленных, то им постоянно предъявлялись настоящие требования со стороны чукотских и коряк-

ских рабынь, если служилые сами не решались на супружеское сожителство. Говорят, во время похода капитана Павлуцкого в 1730 году, когда было захвачено много чукотских рабынь (а был отдан строгий приказ, чтобы никто не имел с ними плотского сожителства), женщины и девушки пришли в такое негодование, что осыпали русских солдат и казаков презрительными словами, что они не настоящие мужчины, раз так плохо ухаживают за своими гостями.

Тамошние жители знают по длительному опыту, что если рабыню из этих народов не удовлетворить согласно ее желанию, то она или будет пользоваться любой возможностью для побега, или, если это не удастся, будет недостаточно преданно и усердно обслуживать своего хозяина в выполнении домашней работы. Напротив, если хозяин вступает с нею в плотскую связь, то она считает себя его женой и занимается его делами так, как если бы они были ее собственными. То же, говорят, наблюдается постоянно и в отношении камчатских рабынь.

В сущности, у всех сибирских народов нет большого различия между рабыней и женой. Муж — господин, а жена — служанка. Лишь иногда нежность в супружеской любви делает более переносимым рабское положение женщины в отношениях с мужем. Русские жители Камчатки, которые все из-за отсутствия русских женщин пережились на тамошних рабынях, очень хорошо усвоили это положение и не дают им больше воли, чем они имели бы у своих соотечественников. Жена должна одна выполнять всю домашнюю работу, одевать и раздевать мужа, прислуживать за столом и т.д. А чтобы муж хоть иногда помог жене в чем-нибудь или во время еды посадил ее с собою рядом за стол, это является там неслыханным делом.

Восточные народы обычно смеются над нами, европейцами, когда слышат о нашей чрезмерной любезности в отношении женщин, и полагают, что мы таким образом идем против законов природы.

Вследствие того что женщина держится в таком подчинении, у этих народов отмечается мало семейных раздоров, если только эти раздоры, как уже было упомянуто выше, не вызываются ревностью. Этот пункт играет у них такую большую роль, что здесь они не могут себя преодолеть. Ожидать от женщины непослушания и противодействия мужчине не приходится, так как женщина еще не осознала в себе сил, данных природой, которые у цивилизованных народов быстро вырвали ее из рабства. Однако у женщин есть и другие недостатки, которые могут досадить мужчине и нарушить приятность брака, а иногда и вовсе ее уничтожить и разорвать супружеские узы.

Сюда, прежде всего, относится любовное распутство, которое, если его не хочет переносить женщина у мужа, еще в большей степени не переносится мужем у своей жены. Правда, этот порок у сибирских народов не особенно распространен, ибо у них отсутствует много причин, которые у нас влекут за собой пресыщение и разврат. Но и здесь человеческая природа не полностью свободна от недостатков, которым иногда и повинуются.

То, что случается до брака, а именно: если жених у своей невесты или муж у молодой жены не находит признаков девственности, — сюда не относится, ибо, как было сказано выше, это интересует мужа лишь потому, что он заставляет того, кто его опередил, уплатить за бесчестье. Правда, у лесных тунгусов, которые чуть более щепетильны, чем другие народы, бывают случаи, впрочем, довольно редкие, что муж по этой причине перестает любить свою жену или отпускает ее от себя; у других же народов этого нет.

Если же случается, что муж замечает недозволенные отношения между своей женой и его сыновьями от первого брака или своими младшими братьями (камасинцы не грешат с мачехой, но грешат с женой

Камчадал. Kracheninnikow S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtschatka. T. II. Paris, 1768

старшего брата), а это редко не выходит наружу, но это для него не настолько важно, чтобы он из-за этого позволил себе крайности. Они говорят, что это не выходит из пределов дружбы, а после смерти отца мачеха все равно достается пасынку или невестка младшему брату мужа. Однако муж тем не менее не оставляет обе виновные стороны без наказания, чтобы удержать их от этого скользкого пути. Настоящим нарушением супружеской верности считается прежде всего, если оскорбление исходит от постороннего человека, не являющегося близким родственником семейства. В этом случае посторонний человек должен заплатить оскорбленному мужу за бесчестье, иначе дело доходит до серьезных ссор и драк. Жену же муж наказывает, а если она еще несколько раз

попадется в таком преступлении и у мужа не остается надежды вернуть ее на правильный путь, то он больше не считает ее своей женой и отдает ее обратно тестю с возвратом калыма; или продает кому-либо другому; или, если у него есть еще жены, отдает ее как рабыню в услужение той из них, которую больше всех любит; или женится на другой, и тогда предыдущая жена должна искупать свою неверность, постоянно ей прислуживая.

Другой порок в браке, которому придается столь же важное значение, состоит в том, что жена из-за неумения или лени не занимается домашним хозяйством, не имеет достаточного навыка в различных женских рукоделиях, растрчивает мужнино добро, так что он не может ей ничего доверить и не ожидает от нее настоящих услуг. Подобное обстоятельство с тем же основанием, как и указанное выше, дает повод к расторжению брака, и с женой поступают так же, как и в предыдущем случае.

Бесплодие в браке также может отчасти повлиять на то, что жена не пользуется достаточным признанием мужа, ибо каждый человек в соответствии с природой стремится оставить после себя потомство. Но если жена в таком несчастье разумна и хорошего поведения, а муж понимает, что люди подвержены различным

Добывание огня камчадалами. Рисунок XVIII века. *Kracheninnikow S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768*

недостаткам, смягчить или устранить которые не все да в нашей власти, то он смиряется с этим и старается помочь своему горю тем, что, если состояние позволяет, он женится еще на другой, не отказывая все же первой жене в любви и супружеском сожительстве.

Многоженство представляется нам теми писателями, которые возражают его защитникам, в таком дурном свете, как будто из него непременно должны проистекать величайшие недоразумения, ревность и нелады в браке. Однако у тех народов, у которых введено многоженство, замечается как раз обратное, что проистекает из их установлений и соблюдения порядка.

У магометанских татар, которым закон запрещает без согласия первой жены брать вторую, третью и четвертую жену, существует бесспорная субординация жен, а именно: первая, или старшая, жена является как бы домоправительницей и повелительницей над остальными, а те должны оказывать ей во всем почтение и повиновение. Это не мешает тому, чтобы муж предпочитал и больше любил одну из младших жен, но она не должна ни пренебрегать этим, ни стараться возвыситься над остальными. Это, как основное правило благополучия в браке, стремится внушить им сам муж.

В этом усматривается особая разумность, которую, казалось бы, не приходится ожидать у столь нецивилизованных народов. Если предполагать, что разделенная любовь не бывает полной, то все сибирские народы доказывают обратное. Муж, имеющий три или четыре жены, любит каждую из них не по-иному, чем другой, у которого только одна жена. И каждая жена удов-

летворяется той частью любви, какую дарит ей муж. Такая разделенная любовь имеет даже преимущество, заключающееся в том, что каждая из жен состязается с другими в старании оказать мужу больше внимания, чтобы заслужить с его стороны большую любовь.

Муж должен при всем этом выполнять свои обязанности, а именно, если он даже и испытывает больше любви к одной из жен, он тем не менее не должен состоять с ней в супружеском сожительстве больше, чем с другими. Это — основной принцип у всех народов, которые ввели у себя многоженство. Каждая жена имеет одинаковое право на тело мужа, и если муж хочет лишиться ее этого права, то отсюда возникают постоянные ссоры, часто даже драки между женщинами, которым муж не может воспрепятствовать своею властью.

Для осуществления этого каждая из жен спит отдельно, а муж должен ночевать у них поочередно. У монголов, калмыков, бурят, якутов, кузнецких и красноярских татар каждая жена, если только возможности мужа это позволяют, обычно живет в отдельной юрте или хижине, имеет свое особое хозяйство, свой скот и свою прислугу. Муж же не имеет ни собственного жилища, ни скота, но он попеременно ходит в гости то к одной, то к другой жене и осуществляет над всем верховный надзор.

По-видимому, это последнее обыкновение введено для того, чтобы еще вернее предотвратить всякие неприятности и ссоры между женами. Но оно имеет еще и дополнительную причину, которая заключается в том, что поскольку приданое каждой из жен неодинаково, то те из них, которые получили от своих родителей и родственников больше скота как с собою, так и в виде подарков, неохотно соглашаются делить его с теми, кто не так хорошо обеспечен. Поэтому каждая жена имеет прежде всего только то количество скота, какое она принесла своему мужу, а если из собственности мужа после уплаты калыма еще что-то осталось, то он обычно делит это поровну между всеми женщинами.

Во время нашего пребывания в Мангазее я заметил у нескольких самоедов, что они, подобно своим женам, носят волосы заплетенными по обе стороны лица. Я получил по этому поводу следующее разъяснение: если самоед как следует удовлетворяет свою жену или он сожительствует с одной больше, чем с другими, то она в знак благодарности заплетает ему волосы таким образом, а помимо этого смазывает ему всю голову рыбьим или оленьим жиром.

Все, что мужчина добыл за день из дичи, он делит поровну между всеми своими женами, разве только у одной больше детей и прислуги, тогда она получает и больший запас дичи. Муж переходит от одной жены к другой, а так как он должен ночевать у каждой поочередно, то соответственно существует такой порядок, что он должен кормиться у каждой из них в опреде-

ленное время. У лесных тунгусов, которые постоянно пребывают в охотничьих путешествиях и всегда возят с собой жен, существует следующий порядок. Если у мужа две жены и он, например, проводит одну ночь у старшей жены, то на следующий день обедает у младшей жены, ужинает опять у старшей и затем снова навещает младшую, чтобы провести у нее ночь. Каждая из жен старается угостить его как можно лучше, а так как он должен хотя бы немного поесть до сна еще и у той жены, у которой ночует, то он никогда не наедается вечером у первой досыта, чтобы тем самым не вызвать ревности, так как женщины между собой очень этим считаются.

У таких народов, как монголы, буряты, якуты, у которых из-за скотоводства жены не могут находиться поблизости друг с другом, и нередко одна жена живет на расстоянии дня пути от другой, муж, только что покинув постель одной жены и немного позавтракав, отправляется в дорогу, чтобы навестить другую. Если этот путь столь дальний, что он не поспевает прибыть к обеду, то он берет в дорогу только такой запас еды, какой требуется, чтобы перебороть свой голод, так

как жена уже знает время его обычного прибытия и держит обед наготове. После этого он остается у нее до следующего утра.

Все сказанное предполагает такое стечение обстоятельств жизни мужчины, что у него нет никаких других занятий, кроме как угождать своим женам и заодно присматривать у них за хозяйственными делами. Если муж хочет поехать навестить своих друзей и знакомых, или он отправляется на охоту, или уезжает по другим делам, то выполнение своих обязанностей по отношению к женам он подлаживает к вышеуказанным целям. Но все же муж должен предвременно проститься с каждой из них, а когда он возвращается домой, то начинает свои посещения в том же порядке, который был прерван его отъездом.

Если бы я не опасался погрешить против приличия, то мог бы затронуть еще и некоторые потаенные обстоятельства брака.

РГАДА*, ф. 181, д. 1386, ч. II, лл. 37–51 об., 63–70

* Российский государственный архив древних актов (ф. — фонд, д. — дело, об. — оборот, лл. — листы)

Остяки. Литография XIX века